

БЕЛЫЙ ДУБ, ЧЕРНЫЙ НИЖИНСКИЙ

33-й Международный фестиваль танца в Генуе

Визитка - 2001.
Нав. - с. 6

Динара АИДАРОВА-АГАПИ

БЕЖАР

Второй год подряд Морис Бежар получает в руки карт-бланш для выступлений своей труппы на одном из самых престижных фестивалей танца в Европе. На чистом листе Бежар способен начертать непредсказуемые фантазии. В прошлом году, например, ему вздумалось создать попури из собственных балетов, да еще пригласить Майю Плисецкую и Карлу Фраччи, которые за два дня до премьеры ведать не ведали, что им предстоит танцевать.

В этом году стрелка желаний указала в сторону Аргентины – родины другого любимого танцовщика Мориса, его друга и соратника, недавно ушедшего из жизни Хорхе Донна. Новая постановка Бежара следует изречению Эрнесто Сабато: «Танго вмешивается в судьбу людей, в их суть, в их смерть». Это

история страстной любви, которую рок ведет к трагическому концу. Главные партии танцуют бежаровские премьеры Элизабет Роз и Жиль Роман.

БАРЫШНИКОВ

На границе штатов Флорида и Джорджия, там, где тянутся плантации белых дубов, можно отыскать репетиционные залы труппы, основанной Михаилом Барышниковым и анархистом современной хореографии Марком Моррисом. Их труппа так и называется – «Белый дуб», и она тоже участвует в генуэзском фестивале.

В 1993 году великий Барышников решил распрощаться с классическим балетом. После многочисленных операций на коленной чашечке и голеностопе он признал, что его время – время самого высокооплачиваемого танцовщика в мире – прошло. Но это еще не значило, что он попрощался со сце-

ной: ведь весь смысл его жизни в магии лицедейства.

Нынешний стиль труппы Барышникова – минималистский, словно у «Гуччи» в одежде: дорого, искусно, но в глаза не бросается. Спектакль составлен из мини-атюр. В первой – «Видеть сквозь узел» – участвует вся труппа, пять человек без солиста. Это замысловатые скользкие плетения тел. Вторая, «Любовь к репетиции», тоже не содержит сложных балетных па – высоких прыжков, поддержек, растяжек и вращений – и не предполагает участия солистов.

Зато балет «Аргумент» – это дуэт Михаила Барышникова и Эмили Коэтс. Они представляют сценку из жизни влюбленных, которые то бурно ссорятся, то сливаются в экстазе. Увы, мы уже не видим прежнего бесподобного, технически безукоризненного танца Барышникова с его зависаниями в прыжке и умопомрачительными вращения-

ми. И только его партнерша, удаляясь за кулисы, позволяет себе продемонстрировать истинные возможности виртуозного балета – улетает за сцену в роскошном прыжке.

Неувядаемое юношеское обаяние Барышникова, столь же эгоистичного, ранимого и капризного, сколь и неотразимого, проявляется в хореографии «Пиккадиллос» Марка Морриса, детально изучившего способность танцовщика выражать музыку предельно точным жестом, пусть даже одним поворотом головы. В этой работе потрясает пластика механического шага оловянного солдата, отбившегося от войска, трогательного и одинокого, как звезда Барышникова, мерцающая в бездонном небе.

ЧЕРНЫЙ ТАНЕЦ

«Будь у меня дети, они могли бы оказаться чернокожими, – всегда повторяет Бежар, вспоминая о том,

что его прабабка была сенегалкой. – Уверен, что именно африканская кровь наделила меня одержимостью танца».

В завершающем «Гала черного танца» фестивалем познакомил генуэзскую публику с теми, в ком живет частичка Африки. Сначала показали танцы воинственного племени зулусов. Потом мамбы на все лады из стран Карибского бассейна чередовались с джаз-стилем в постановке Алвин Айлей для блистательной пары нью-йоркских танцовщиков Линды Денис Эванс и Мэтью Роашинга. Маршрут экстраординарного гала лежал от танцев а-ля Майкл Джексон до изысканных вариаций лауреата премии имени Вацлава Нижинского, чернокожего солиста Парижской Гранд-Опера Эрика Ву Ан. Так неожиданно эффектно завершился ежегодный праздник танца в Генуе.

Генуя

Михаил БАРЫШНИКОВ: Я НИКОГДА НЕ СЯДУ В ИНВАЛИДНОЕ КРЕСЛО!

По утрам он должен принять сначала горячую, потом холодную ванну. Только после этого он уверенно встанет на ноги: шесть операций на колене – это не шутки. Однако 53-летний танцовщик уверен, что никогда еще он не чувствовал себя в столь прекрасной форме. Но он уверен, что умрет в ближайшие два года...

Избегающий журналистов великий Михаил Барышников дал интервью английской газете «Дейли Телеграф» – это произошло в парижском кафе, на перелете из Генуи в Эдинбург. Из обширного материала мы выбрали фрагменты, где звучит подлинная прямая речь артиста.

О ЛЮБВИ К ПАРИЖУ

Безумно люблю Париж, хотя живу под Нью-Йорком. Люблю маленькие улочки, магазинчики. В детстве я зачитывался Дюма и с тех пор мечтал побывать в Париже. Правда, по-французски говорю – как на гитаре играю: на четырех аккордах.

ОБ УЧЕБЕ В РИЖСКОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ

На меня так и сыпались тумачи да окрики... Педагоги были настроены ко мне агрессивно. Но все это делалось мне же во благо. Такой уж метод в русских школах. Мне не хватало выворотности – и я часами сидел в позе лотоса, причем на коленях мне усаживалось по человеку. Все последующие хирургические операции – последствие этих экзекуций.

Но с одним недостатком справиться было совершенно невозможно. Я хотел быть выше! Для классического танца мой рост предельно низок – 5,7 футов. Еще бы на дюйм меньше – и не видать мне сцены.

О ЮНОШЕСКИХ МЕЧТАХ

Мне никогда не хотелось быть характерным танцовщиком. Но я

знал, что я – Арлекин, и от этого никуда не деться. А мне хотелось танцевать Альберта, Зигфрида или Ромео. И до какого-то времени это был главный вопрос жизни: смогу или нет? Станцую романтическую партию или не доведется? Наверное, для основной массы зрителей самое главное – эффектные прыжки и пируэты. Часто они действительно впечатляют. Но в целом это малоинтересно и в чем-то даже вульгарно.

О СЕГОДНЯШНЕМ БАЛЕТЕ

Современные танцовщики гораздо сильнее и техничнее, чем наше поколение. Недостигаемо техничнее. Проблема в том, что от этого они ничуть не лучше. Иногда я смотрю на балерин, и мне кажется, что они только что занимались аэробикой и не успели переключиться... Где тут танец?! Я давно не видел ни юмора, ни увлеченности, ни наслаждения. Хотя, в конце концов, разве мы не грешили тем же? Когда ты молод, так хочется поразить мир техникой, а об искусстве думаешь уже во вторую очередь.

О РУКОВОДСТВЕ АМЕРИКАНСКИМ ТЕАТРОМ БАЛЕТА (1980 – 1989)

Это не жизнь. Ты – все на свете. Ты привратник. Ты доктор. Ты психиатр. Ты мать. Ты любовник. Ты брат. Ты сестра. Ты бухгалтер. И все это в одной твоей голове! Да еще удачливый артист? Одни противоречия! Неважно, что они каким-то образом счастливо уживались. Все-таки это была настоящая пытка. Жизнь танцовщика очень коротка. Максимум 20 лет. Первый раз всерьез выходишь на сцену в 17–18. В 20 начинаешь паниковать – что делать дальше? И ведь никто не собирается преподавать или ставить спектакль. Все рвутся только на сцену! Максималисты начинают во всем обвинять идущие постановки, свое собственное тело и, естественно, в первую очередь – директора.

О БУДУЩЕМ

Я еще никогда не был в такой хорошей форме. Я счастлив в браке; у меня три дочери – старшей Александре уже 20.

Но я думаю о другом. Все мои родственники умерли молодыми. А я верю в генетику. Для меня есть две отметки – 55 и 60. И я готов к уходу. Говорю об этом смело. Я никогда не сяду в инвалидное кресло! Не собираюсь впадать в слабоумие и обременять окружающих. Такое уже случилось с моим отцом. Он умирал ужасно. Семья была не в состоянии о нем заботиться. И больничные сестры ворочали его, как гигантский овощ... Шестидесят – это, конечно, не возраст. Но только не в России. Что было бы, если бы я остался в России? Не знаю. Даже думать об этом не хочу. ■